

Ещё раз о «черном солнце» О. Мандельштама

А ночного солнца не заметишь ты.

Осип Мандельштам. «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920)

«Ночное», «черное солнце» О. Мандельштама замечено исследователями много раз. Это интересный, привлекательный образ. Я же хочу рассмотреть его в связи с Иннокентием Анненским, который был одним из главных поэтических ориентиров Мандельштама.

В 1916 году Мандельштам закончил стихотворение, где собственные строки чередуются со строками перевода из трагедии Расина «Федра». С них оно и начинается:

"Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела среди моего позора!"

Речь идёт о той же "классической шали", о которой он уже написал в стихотворении «Я не увижу знаменитой "Федры"...» (1915). Даже "ложноклассической" — в стихотворении «Вполоборота — о, печаль...» (1914). Но "шаль" — только у Мандельштама. Вот перевод этого места «Федры» М.А. Донского¹ (Действие первое, Явление 3):

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом,
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?

Дальше в стихотворении Мандельштама появляется образ "черного солнца":

И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет.

"Федра-ночь" горит "черным пламенем", образ раскрывается в строке-переводе:

"Любовью черною я солнце запятнала..."

Сравним с соответствующим местом в переводе М.А. Донского:

---

¹ Жан Расин. Трагедии. / Издание подготовили Н.А. Жирмунская, Ю.Б. Корнеев. Новосибирск, Издательство "Наука", Сибирское отделение, 1977. (Серия "Литературные памятники").

О лучезарное, державное светило,
Чьей дочерью себя надменно объявила
Мать Федры! За меня краснеешь ты сейчас?
<...>
Я преступлением не запятнала руки.
Но сердце... сердце... В нем причина этой муки!

Как видим — "черного солнца" у Расина тоже нет. Поэтому интересно рассмотреть мнение Н.Я. Мандельштам², которая связала этот образ с И. Анненским:

«В стихотворении о Федре впервые говорится о черном солнце, то есть о солнце вины и гибели. В статье о Скрябине Мандельштам говорит — "образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, — видение несчастной Федры". Я не помню, есть ли у Еврипида ночное или черное солнце, существующее в греческой мифологии (Никтелиос орфиков), и не собираюсь ходить в библиотеку за справками — это сделают без меня. Мне помнится, что о черном солнце, как о видении Федры, говорится в одной из статей Анненского, и Мандельштам мог принять слова учителя на веру. О черном солнце говорил, между прочим, и Розанов. В периоды, когда кончается эпоха, солнце становится черным: "Это солнце ночное хоронит возбужденная играми чернь..."»³

В не полностью сохранившемся тексте доклада Мандельштама по случаю смерти А.Н. Скрябина, произнесенном примерно тогда же⁴, когда было написано стихотворение о Федре (что указывает на актуальность образа для поэта), сказано о Пушкине: «Ночью положили солнце в гроб...». Я думаю, что поэт подразумевал печатное извещение о смерти Пушкина⁵. А далее — фраза, которую процитировала Н.Я. Мандельштам:

«Я вспомнил картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного солнца, образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, — видение несчастной Федры»⁶.

² Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания. М. Московский рабочий, 1990. С. 96-97.

³ Из стихотворения Мандельштама «Когда в теплой ночи замирает...» (1918).

⁴ Конец апреля 1915 г. — январь 1917 г. См.: *Сурат И.З.* Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин // Новый мир, номер 3, 2003, <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>.

⁵ «Солнце русской поэзии закатилось!» («Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 30.01.1837).

⁶ Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. М.: Худож. лит., 1990. С. 156.

То есть то, что это образ Еврипида, предлагал вспомнить сам Мандельштам. Затем он преобразовывает его в «солнце вины» и относит не к Федре — персонажу трагедии, а к «Федре-России» на фоне мировой войны и к Скребицу как воплощению «русского эллинизма». Вот зачем ему понадобился Еврипид. Возникает вопрос: «русское эллинизма» — не то ли это «славянское возрождение», делу которого вместе служили профессиональные классики Анненский и Ф.Ф. Зелинский⁷? От последнего Мандельштам мог знать об этом непосредственно.

Жену Мандельштама поддержал Вяч. Вс. Иванов в статье «Современность античности. "Черное солнце" Федры»⁸: "Мандельштам не мог не заметить то противоположение и соположение *солнца* и ночи, которое в нем <в переводе трагедии Еврипида – *М.В.*> столь очевидно". Но я не нашёл чёрного или ночного солнца как образа в переводе Анненского. Вот в нем место (Явление восьмое), сюжетно соответствующее цитате из трагедии Расина и строке-переводу Мандельштама:

Уж мой приговор
Написан. О, солнце! О, солнце!
О, мать земля!
Куда я уйду от несчастья?
Чем горе покрою?⁹

Нет "черного солнца" у Анненского и в сопровождающей трагедию статье. Так что и «очевидности» тоже нет. Тем не менее, Мандельштам, конечно, держал в уме «Ипполита», о чём намекнул в последней строке стихотворения «Я не увижу знаменитой "Федры" ...»:

Когда бы грек увидел наши игры...

Перелистывая страницы анненского перевода и статьи «Трагедии Ипполита и Федры», я не знал, что иду давно пройденным путем. Но вдруг попала статья И.З. Сурат, где я прочитал:

---

⁷ См.: *Зелинский Ф.Ф.* Предисловие редактора // *Театр Еврипида. Драмы: Том 2 / Перевод со введениями и послесловиями И.Ф. Анненского; Под редакцией и с комментарием Ф.Ф. Зелинского.* М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1917. Т. 2. С. XXIII.

⁸ *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II. Статьи о русской литературе. М.: "Языки русской культуры", 2000. С. 369.

⁹ *Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем: В 3 т., с двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида И.Ф. Анненского.* СПб., [1906]. Т. 1. С. 296.

«Как ни ищи «ночное солнце» у Еврипида — его там нет. Мандельштам читал Еврипида в переводе Иннокентия Анненского, сильно отредактированном Ф.Ф. Зелинским, и в нем есть тема солнца, которого уже не видит страдающая Федра, — но не более того. Мандельштам, по своему обыкновению, сконтаминировал еврипидовского «Ипполита» с «Федрой» Расина «в единый метасюжет» и уже Расиновой Федре передал в стихах этот образ: «И для матери влюбленной / Солнце черное взойдет» («Как этих покрывал и этого убора...», 1915-1916). Анализ всех многочисленных, выявленных коллективными усилиями книжных источников образа черного солнца приводит все-таки к мысли, что в основе его лежит конкретное личное событие и переживание...»¹⁰

Эти выводы подтверждают мои поиски. Путь, оказалось, уже проложен до меня, но существеннее, что он верен. Вот только Еврипида Мандельштам читал, на мой взгляд, в анненском издании 1906 г. или в исходной журнальной публикации. Дело в том, что Зелинский включил трагедию «Ипполит» во 2-й том редактируемого им издания, а он появился к лету 1917 г. Стихи про Федру были Мандельштамом уже написаны. Но очень важно — «сконтаминировал» и «по своему обыкновению». А также — «конкретное личное событие и переживание». То есть — *сам*. Это еще раз подтверждено Сурат далее:

«Действительно, можно много найти книжных параллелей к этому образу на самом широком культурном пространстве, но Мандельштамом он не присвоен извне, а рожден из глубин творческого сознания, на наших глазах, в процессе текста, рожден усилием познать в поэтическом образе ни много ни мало как отношения жизни и смерти».

Потом я узнал, что статья Сурат вошла в ее книгу «Мандельштам и Пушкин» (2009). У нее и на обложке «черное солнце».

Написанное Сурат согласуется с мнением В.В. Мусатова, которому мне изначально хотелось доверять: «Истолкование черного солнца мандельштамоведрами дает в итоге картину чрезвычайно и неправдоподобно

¹⁰ Сурат И.З. Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин // Новый мир, номер 3, 2003, <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>.

пеструю...»¹¹. Но «метафора "черного солнца"», по В.В. Мусатову, возникла у самого Мандельштама¹².

Обращаю внимание, что оба исследователя пишут об обилии выявленных источников и толкований. Сурат привела при этом в примечании цитату из М.Л. Гаспарова, добавив свой пример:

««Подтексты его уводят к таким разнообразным источникам, как сатиры Горация, пророчество Иоила, Нерваль, Вяч. Иванов, Апокалипсис, Валерий Брюсов и Гейне в переводе Тютчева» (Гаспаров М.Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама. — В кн.: Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995, стр. 23). В этом беглом списке многое не названо, к примеру — затмение солнца в «Слове о полку Игореве», важном для Мандельштама произведении»¹³.

Остановлюсь на одном из источников "черного солнца" у Мандельштама, выявленных исследователями, — это "черное солнце Меланхолии" Ж. де Нерваля¹⁴. В свою очередь Нерваль ориентировался на знаменитую гравюру А. Дюрера "Меланхолия". Но Нерваль открывал акмеистам, и Мандельштаму в том числе, опять же Анненский своей незаконченной статьёй "Что такое поэзия?", опубликованной после его смерти и воспринятой как завещание¹⁵ (а ведь написана она была в 1903 г. и являла собой «переход к новому этапу творчества»¹⁶). Правда, Анненский в ней представляет Нерваля достаточно иронично. Но важно то, что это "черное солнце" Анненский читал (как и роман К. Моклера "Солнце мертвых", упоминаемый им в начале статьи). Ведь он не только здесь говорил о "безумном Жераре"¹⁷. И это вряд ли пропустил Мандельштам, особенно «трагико-иронические акценты»¹⁸ учителя. Может быть, "одна из статей Анненского" у Н.Я. Мандельштам и есть "Что такое поэзия?".

---

¹¹ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, Эльга-Н, Ника-Центр, 2000. С. 159.

¹² Там же. С. 134.

¹³ Указ. источник. Детальный список составлен С.Н. Бройтманом в статье «О. Мандельштам. В Петербурге мы сойдемся снова», см.: Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: РГГУ, 2008. С. 330.

¹⁴ Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М.: Художественная литература, 1990. С. 428-430.

¹⁵ Там же. С. 421-422.

¹⁶ Подольская И.И. Иннокентий Анненский – критик // Анненский И. Книги отражений. М., "Наука", 1979 (Серия «Литературные памятники»). С. 512.

¹⁷ См. также в статьях: "Генрих Гейне и мы", "О современном лиризме".

¹⁸ Бройтман С.Н. Указ. соч. С. 344.

Добавлю ещё замечание Л.А. Колобаевой, не раскрытое, к сожалению, примерами: "Образ больного солнца появляется на небосклоне у Анненского не однажды"¹⁹.

И.З. Сурат назвала «черное солнце» «одним из наиболее таинственных образных гнезд мандельштамовской поэзии». Теперь о таинственности. Мне попала в руки книга Ст. Марлана "Черное солнце. Алхимия и искусство темноты" (М.: Издательство Касталия, 2011). Оказывается, "чёрное солнце" — это популярнейший образ эзотериков с незапамятных времён. Автор книги, истый юнгианец, намешал много чего, но я так и не нашёл внятных (чтобы не говорить — вменяемых) ссылок на источники этого образа. Конечно, у него ничего не сказано о Мандельштаме и знаменитой трагедии Еврипида. В его алхимической мешанине им просто нечего делать. Единственное, что я нашёл из интересующего меня, — это упоминание Ж. де Нерваля (с. 43; причем, оно взято у другого автора). Но раскрытие образа с иной, мистической стороны заставляет задаться вопросом: а знал ли об этой стороне Мандельштам, чтобы воспользоваться образом?

Вернусь к тому, что написала Н. Я. Мандельштам:

«Я не помню, есть ли у Еврипида ночное или черное солнце, существующее в греческой мифологии (Никтелиос орфиков), и не собираюсь ходить в библиотеку за справками — это сделают без меня».

Пытаюсь ходить за справками. Набираю в Интернет-поиске "Никтелиос орфиков" и нахожу исследование Г. Березиной неоевразийства профессора А. Дугина. Опять эзотерика: в нём рассматривается сайт некоего "Белого общества"²⁰, как раз на предмет "чёрного солнца". Толкования образа включают определения Ю. Линника, М. Серрано, А. Дугина, в которых есть арии, гипербореи, Шамбала, Третий Рейх и т. д. Понять всё это я затрудняюсь. Но вот интересное место:

"В отличии от «нордических» представлений о Черном Солнце как космическом объекте и источнике астральной энергии, древнему миру оно было известно лишь в одной своей ипостаси, подземной: как солнце загробного мира, преисподней. Sol Niger — одно из важнейших понятий древнего мира, существовавшее почти у всех народов. О нем есть упоминания в «Ригведе», в «Эдде» и других древнейших источниках. В индийской мифологии олицетворением Черного Солнца является Шива,

---

¹⁹ Колобаева Л.А. Ирония в лирике Иннокентия Анненского // Филологические науки. 1977, 6. С. 21.

²⁰ Возможно, имеется в виду: <http://white-society.org/index.php?name=News&file=categories&op=newindex&catid=4&pagenum=4>

«черный свет небытия», а в египетской — Осирис, ночное солнце. В античных легендах это нижнее солнце называется «солнцем Эреба», царства мертвых. Орфики называли его «Никтелиос»".

И если о Никтелиос написала Надежда Яковлевна, то Анненскому, знатоку культов и мифов с научных позиций, оно было точно известно. Конечно, он знал орфиков и то, что от них дошло до нас, как знал о мистериях, о метемпсихозе и т.д. Не случайно А.Л. Волынский в письме к С.К. Маковскому определял Анненского "неудачно тяготеющим к парадоксам и к Орфею". И там же: «Ведь почтеннейшему И. Ф. А. и по сие время кажется, что во главе нового литературного движения надо поставить не Аполлона, а Орфея!»²¹.

Но оставлю раздраженного Волынского и обращусь к самому Анненскому:

«...установить связь первоначального фракийского культа Диониса с верой в бессмертие, которая разработана была в орфических мистериях, т.е. тайноучении, освященном именем и легендой Орфея, фракийского аэда, ученым еще не удалось.

Легенда об Орфее, поклоннике Гелия-Аполлона, который был разорван мэнадами Диониса, входила первоначально в круг культовых легенд Диониса, как легенды Ликурга и Пенфея, и уже после получила мистико-символический характер в мистериях»²².

То есть в истоках мистики Анненский ориентировался профессионально. Напомню, что он и себя смолоду называл "мистиком", когда ещё не знал слова "символизм", как написал в автобиографии²³. Вообще "Анненский и мистицизм" — это отдельная тема.

А что же "черное солнце"? Все-таки Анненский кое-что о нем сказал в той же лекции:

«Была еще попытка объяснить Ликурга как олицетворение одного из двух элементов Солнца, обладающего и губительной, и благотворной для земли силой. Думали, что Ликург — одна из ипостасей Солнца, Дионис же —

---

²¹ Рассказ М.А. Волошина об И.Ф. Анненском (27 марта 1924 г.; записан Л.В. Горнунгом и Д.С. Усовым) // *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1981. М., 1983. С. 124.

²² *Иннокентий Анненский*. Лекции по античной литературе, прочитанные на Высших женских курсах Раева. Лекция 10 // *Иннокентий Анненский*. История античной драмы. Курс лекций / Составление, подготовка текста, вступительная статья В. Е. Гитина при участии В. В. Зельченко. Примечания В. В. Зельченко. СПб.: Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека, издательство "Гиперион", 2003. С. 70.

²³ <Автобиография> // *Анненский И.* Книги отражений. М., "Наука", 1979 (Серия «Литературные памятники»). С. 495.

другая. Как известно, в культе Аполлона это так и было. <...> документальных же данных для этого никаких нет»²⁴.

Но как явного художественного образа или символа, который можно было бы воспринять и последовать ему, "черного солнца" у Анненского нет.

---

²⁴ Там же. С. 68.